

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИБЕРАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В. Н. Первушина

Воронежский военный авиационно-инженерный университет

Поступила в редакцию 11 ноября 2012 г.

Аннотация: *анализируется трансформация либерализма в современном обществе, рассматриваются основные понятия и принципы либертарианизма.*

Ключевые слова: *либерализм, современное общество, либертарианизм.*

Abstract: *the article deals with the problem of transformation of liberalism in modern society, main concepts and principles of libertarianism are analyzed.*

Key words: *liberalism, modern society, libertarianism.*

Известно, что либерализм как идеология буржуазного общества сформировался в XVII–XVIII вв. В его основании лежит следующий принцип: признание неотчуждаемыми права человека на свободу, жизнь и собственность, сформулированный еще Дж. Локком, А. Смитом, Т. Джефферсоном и др. Свобода, жизнь и собственность выступают основой правового порядка, эмансипирующего характера, т.е. законодательство не запрещает, а разрешает. Поэтому «...целью закона является не уничтожение и не ограничение, а сохранение и расширение свободы...» [1]. Свобода, по Дж. Локку, состояла в том, чтобы человек не испытывал ограничения и насилия со стороны других, а для этого необходимо наличие закона. В противном случае человек не будет иметь возможность распоряжаться собой так, как ему хочется.

Буржуазное общество значительно изменилось за несколько столетий. Выявить трансформацию либерализма, вытекающую из социально-экономических и духовных изменений современного буржуазного общества, является основной задачей данной статьи.

Современное общество представляет собой «констелляцию дискурсов», тесно взаимосвязанных концептуально и исторически. Поэтому оно характеризуется как постиндустриальное, информационное, постфордистское, постмодернистское, глобализирующееся и сетевое. Модерн (индустриальное общество) назывался веком технологического индустриализма, классового деления, массового общества и рынка, конфликтующих идеологий и политической власти, организованной на уровне территориальных национальных государств.

Теории постиндустриального общества пытались показать переход индустриальной экономики и общества в новое состояние. Известный теоретик постиндустриального общества Д. Белл в работе «Социальные рамки информационного общества» отказывается от термина «постин-

дустриальное» в пользу информационного общества. Информация становится стержневой основой формирования социальной структуры и социальности вообще. У Д. Белла – это информация научного характера. Информационное общество обладает теми же характеристиками, что и постиндустриальное, за исключением того, что в нем происходит конвергенция электронно-вычислительной техники и средств связи (коммуникации). Решающее значение для экономической и социальной жизни, для способов производства знания, а также для характера трудовой деятельности человека стал приобретать новый социальный уклад, основанный на телекоммуникациях. Новой формой капитала становится «способность компании продавать свою продукцию, эффективность менеджмента, научно-технические разработки сотрудников» [2]. Меняется чувство времени, вместо жесткой дисциплины (проходная) приходит осознание «гибкого времени».

Новая технологическая парадигма, сущность которой заключается в распространении и всепроникновении сетевой логики, непрерывной модернизации и процессов инноваций, развитии и включении во все сферы человеческой деятельности техники, создает и новую «организационную логику» перехода от массового производства к более гибким формам, выражающим индивидуализированные запросы потребителей информационной/глобальной экономики.

На социальном пространстве постиндустриального общества все большее значение приобретают добровольные объединения и ассоциации. Наряду с представительной демократией развивается партиципаторная (participatory), соучастная демократия, связанная с участием добровольных объединений по поводу решения определенных конкретных проблем (референдумы).

Фордизм как культурно-экономический фактор был адекватен экономической модели модерна – конвейерному производству, централизованному, иерархическому и бюрократизированному управлению. Постфордизм символизировал режим аккумуляирования, включающий особый способ производства товаров, соответствующий способ создания потребительского рынка для них и особую роль государственного регулирования рыночной экономики. Это была уже не кейнсианская модель. Роль государства заключалась в создании условий для конкуренции, инноваций и подвижности экономики. Фордизм как модель экономики соответствовал массовому производству стандартизованных товаров, воплощал «дух массового общества». Подвижность, гибкость, информация, «ноу-хау» – это ключевые термины для постфордизма. Ядром экономики постиндустриального общества становились малые производства, рассчитанные на небольшой выпуск продукции и удовлетворение различных вкусов, повышение качества продукции. Создавалось «демассифицированное» производство. Фордистская индустриальная рабочая сила стала заменяться нетрадиционными категориями занятости: частично занятыми, временными рабочими, контрактниками на короткий срок и др. Отсюда компенсирующие условия рынка труда с высокой степенью доброволь-

ности, безопасности и прозрачности. Постфордизм стал соответствовать принципу «убывающего приращения пользы», комплементарной этике потребления, адекватной плюралистическому и индивидуализированному поведению. Потребление становилось специализированным, сделанным на заказ, рассчитанным на разнообразные вкусы.

Повышение жизненного уровня (общество «социального благоденствия»), дававшее «гарантийное выживание» и «гарантийную свободу», обеспечивающее тем самым «онтологическую безопасность», способствовало эволюции ценностных мировоззренческих ориентиров в мироощущении человека постмодернистского общества. Ядром постмодернистских ценностей стала значимость партикуляризма, гетерогенности социальной жизни; онтологизация инаковости, приведшая к признанию комплементарности нормы и патологии (легитимация маргинализма); мультикультурализм. Признание экзистенциальности инаковости и культурного многообразия спровоцировало чувствительность к различию этнического, расового и гендерного характера, вообще к группам меньшинств. Интересно, что группы меньшинств стали обладать статусом правовых субъектов. Иногда складывается впечатление, что именно благодаря постмодернистскому дискурсу произошел сдвиг в ценностных установках индустриального общества – вместо прав человека на первый план выдвинулись гендерные проблемы и положение сексменьшинств (распространяющаяся с агрессивностью гей-культура является тому подтверждением).

Постмодернистская реальность с ее культурным плюрализмом с неизбежностью порождает рост автономии гражданского общества по отношению к государству. Все большее значение приобретают добровольные объединения и ассоциации. Демократия индустриального общества, ориентированная на стандартизацию норм жизни, равнодоступность в получении различных благ и услуг, массовую культуру, неадекватна демократии постмодерна, пытающейся совместить одновременность протекания двух процессов – осознания различных групповых интересов и культурной идентификации. Это приводит к проблеме становления идентичности, определения самости как комбинации моих «Я» в разных контекстах. Социально значимыми становятся такие ценности, как автономность, индивидуальность, самобытность, «открытая идентичность». Исчезает автоматическое послушание коллективностям – партиям, профсоюзам. При этом ценность индивидуальности не аналогична ценности индивидуализма и эгоизма в неолиберальной традиции, адекватной рыночному поведению. Индивидуальность предполагает наличие интересующего субъективного пространства с его взаимностью и взаимозависимостью.

Соучастная (ассоциативная) демократия снижает давление нормативной регуляции, что соответствует гетерогенному обществу постмодерна. Гетерогенность «работает» против стандартизации, унификации, уменьшает девиантное пространство благодаря различному ценностному выбору, снижает функциональность социальных норм. Происходит процесс, начавшийся еще в индустриальном обществе, который Э. Гидденс

называет детрадиционализацией [3], проявляющейся в снижении традиционной роли семьи в обществе (неполные семьи, гомосексуальные браки, полигамия), спаде массовой приверженности религиозным нормам (здания протестантских церквей в Нидерландах превращены в ночные клубы).

Ослабление функциональной базы кодификации норм приводит к замене традиций рефлексивностью. Динамизм социальной жизни современного общества с характерной для него рефлексивностью проявляется в критической оценке социальных практик и их трансформации в свете полученной о них информации. Благодаря рефлексивности происходит разрушение основных моделей индустриального общества – классово-стратификационной, культурной и гендерной идентичности.

Если проследить эволюцию общества от индустриального до постиндустриального, то можно отметить определенные тенденции: движение общества от рыночного, общества «социального благоденствия», мультикультуралистского, до общества риска и «онтологической безопасности» [4]. Риск (случайность) включается в характеристику социальной жизни, определяет не только индивидуальное поведение, но и жизнь всего человечества в целом – экологические, техногенные катастрофы, возможность ядерной войны и др. Риск как социальный феномен подрывает онтологическую безопасность традиционного общества, но в условиях современного общества рациональность в когнитивном и эмоциональном аспектах, свойственная практическому сознанию, выступает генератором чувства онтологической безопасности. Поэтому риск и онтологическая безопасность являются двумя сторонами общества, в котором конкретные негативные последствия экономического и социального развития, включающего увеличение преступности, количества самоубийств, экологически загрязненное производство, помещаются на первый план. Ядром чувства безопасности является «базисное доверие», формирующееся в процессе рутинизации человеческого поведения в повседневной жизни. Используя понятие «пространственно-временная дистанциация», Э. Гидденс выходит на другую характеристику современного общества – глобализацию. Некоторые исследователи (З. Бауман) вместо термина «глобализация» предлагают использовать забытое понятие, используемое лишь философами, – «универсализация», подобное концептам «цивилизация», «развитие», «конвергенция», «консенсус». Концепт «глобализация», по мнению Баумана, ассоциируется с «новым мировым беспорядком». Идея универсализации включает надежду, интенцию и детерминацию упорядоченности, т.е. универсальный порядок, упорядоченность в универсальном, глобальном масштабе [5]. Можно спорить о терминах, но суть от этого не меняется: глобализация является универсальным процессом, а универсальность измеряется в терминах глобализма. В условиях глобализации общество входит в новую сетевую архитектуру социальности – децентрализованную форму организации, адекватной саморегулирующемуся механизму функционирования. С

этой идеей созвучны выводы многих исследователей, анализирующих социальные процессы в современном обществе.

Капитализм в этих условиях характеризуется как транснациональный феномен. Углубление взаимосвязи между различными странами и регионами приводит к появлению «мировой системы» (И. Валлерстайн) и, следовательно, к упадку национального политического суверенитета, социальной идентичности и национальной культуры [6]. Наиболее значимой вслед за глобальным разделением труда является культурная глобализация, связанная с революцией в технологии коммуникации, приведшей к становлению «космополитической ассоциации или интерсоциальности» [7], в том числе космополитической демократии. Безусловно, процесс глобализации является амбивалентным, пронизывающим социальную практику как на глобальном, так и на региональном уровне. Поэтому возникают новые формы конфликтов, разобщенности, социального неравенства.

Усложнение индустриального производства, социальной, экономической и политической жизни, изменение динамики процессов во всех сферах деятельности человека привели, с одной стороны, к росту потребностей в знаниях, а с другой – к созданию новых средств и способов удовлетворения этих потребностей. Следствием информационной революции выступает новая черта современного общества, которую называют «сетевым обществом».

Если определить суть современной эпохи, то оказывается, что доминантные функции и социальные процессы организованы вокруг сетей. Сети составляют новую социальную морфологию современного общества. Понятие «сеть» в контексте социального означает, что в коммуникативном пространстве коммуникативным узлом является какой-либо социальный субъект, способный, подобно ЭВМ, в компьютерных сетях обрабатывать, накапливать и создавать новую информацию, более точно быть субъектом свободного волеизъявления и действия [8]. Слово «сеть» описывается как структурное условие, в котором конкретный пункт, часто называемый «узел», относится к другому посредством соединения (часто называемого «связь»). Сеть функционирует, когда множество узлов соединяются со множеством других узлов. Существует много метафор, описывающих данный тип отношений. Помимо термина «сеть» используются метафоры «решетка», «паутина» или «матрица», подразумевающие логику децентрализации [9]. З. Бауман называет феномен децентрализации текучестью, связанной с процессом глобализации и созданием новых информационных технологий [10].

Возникают сетевые структуры индивидов, организаций, институтов, организующие процесс коммуникации. Диффузия сетевой логики существенно модифицирует действие и последствия процессов производства, опыта, власти и культуры, трансформируя характер социальных связей и самого социального субъекта.

Происходит как бы «расширение человека» через информационные технологии. Формируется «третья природа» после создания второй при-

роды – мира вещей, «мира виртуальных феноменов, который является своеобразным синтезом мира сознания и современных высоких информационных технологий». Традиционные социально-классовое, социально-этническое, профессиональное и т.д. деления дополняются сетевыми сообществами, клеточкой формирования которых выступает message. «Сетевое общество» стало преемником постиндустриализма, информационного общества, постфордизма, постмодернизма и глобализма. Оно является сосредоточением пяти этих дискурсов и характеризует диапазон явлений, взаимосвязывающих социальные, политические, экономические и культурные отношения. Существуют две фундаментальные характеристики сетевого общества. Первая связана с существованием в обществах цифровых технологий сетевой коммуникации, технологий, образующих базовую инфраструктуру, объединяющую массу социальных, политических и экономических порядков. Вторая относится к воспроизводству и институционализации сетевых сообществ как базовых форм человеческой организации и взаимоотношений, через широкий спектр социальных, политических и экономических конфигураций и ассоциаций.

Какие же изменения происходят в идеологии либерализма?

Во-первых, отдается предпочтение концепту «либертарианизм», который по смысловой нагруженности, с одной стороны, включает идеи либерализма, а с другой – отличается иным рангом ценностей, адекватных изменениям, происшедшим в современном буржуазном обществе. Объясняется данный факт тем, что либерализм XX в. отождествлялся с правой социал-демократией или демократическим социализмом, поэтому исследователи предпочитают использовать термин «либертарианизм», нежели либерализм.

Либертарианизм, безусловно, основывается на идеях классического либерализма, «доводя либеральную аргументацию до выводов, более жестко ограничивающих роль государства и защищающих свободу личности в большей степени, чем другие классические либераль» [11].

Основные идеи либертарианизма сводятся к следующим:

– индивидуализм, сочетаемый с признанием достоинства человека. Человек обладает высшей ценностью. Нет оправданий, позволяющих пожертвовать одним человеком ради других [12];

– жесткие моральные ограничения не причинения вреда (агрессии) другому. Каждый должен распоряжаться своей собственной жизнью;

– признание неотчуждаемых прав человека. Человек от рождения наделен естественным правом на жизнь, собственность и свободу;

– наличие «спонтанного порядка» и «ограниченного правительства». Здесь имеется в виду то, что порядок в обществе не устанавливается сверху, авторитарно. Власть сама должна быть ограничена. Власть есть «нанятый менеджер». Порядок в обществе осуществляется спонтанно, т.е. через действия множества людей, координирующих свои действия. Благодаря координации действий создаются основные институты гражданского общества;

– признание приоритета права. Локковское понимание свободы как свободы следовать своему собственному желанию во всех случаях, когда это не запрещено законом, предвосхитило западноевропейскую трактовку свободы: разрешено все, что не запрещено законом;

– экономическая необходимость свободного рынка;

– религиозная терпимость. По существу, провозглашенная свобода совести в настоящее время превращается в то, что можно назвать приватизацией религии, т.е. выбор религиозных предпочтений является делом личного вкуса, частного мнения (идеи обмена проникают и в сферу религии). «Свободная торговля» должна быть и в религии.

Представляется, что либертарианизм есть повторение идей классического либерализма. Но это не совсем так.

Во-первых, либертарианизм включает коммьюнитаристские ценности. Индивид вправе, «будучи уверенным в неприкосновенности своей личности и собственности», вступать в добровольные ассоциации и объединения (типа профессиональных, соседских ассоциаций, религиозных или этнических объединений, музыкальных и театральных групп и др.), связанные общностью интересов и ориентированные на выполнение взаимных обязательств, что, безусловно, способствует становлению гражданского общества. Классический либерализм и его преемник либертарианство тесно связаны с этикой утилитаризма, в которой благотворительность признается одной из важнейших моральных добродетелей. Поэтому благотворительность, взаимопомощь (создание самоуправляемых обществ взаимопомощи) входят в идеологическую программу либертарианства в качестве моральных ценностей. Так, у Р. Нозика добровольные сообщества составляют основу социальной организации общества. Н. Хомский критикует неолиберализм и идеологию свободного рынка, поскольку приватизация сферы услуг – здравоохранения, образования, снабжения водой и прочими ресурсами [13] – лишает общество возможности контролировать эти сферы. Неолиберализм – подлинный враг представительной демократии, поскольку в ее рамках отстаиваются интересы гигантских корпораций. Подлинная демократия связана с «публичной ареной», когда отдельные индивиды и сообщества могут вести собственные дела без вмешательства власти. «Публичная арена» может быть расширена и обогащена благодаря ожесточенной народной борьбе [14].

Во-вторых, антиэтатистская направленность большинства работ представителей либертарианизма сфокусирована не на области экономики («государство – ночной сторож»), а на сфере приватной жизни. М. Ротбард подчеркивает, что государство ни при каких обстоятельствах не имеет права вмешиваться в частную жизнь граждан. Он приводит пример с порнографией. Консерваторы считают, что порнография унизительна и аморальна, поэтому должна быть запрещена. Либералы утверждают, что секс – дело хорошее и полезное, поэтому порнография только к лучшему, а вместо этого хорошо бы запретить сцены насилия на телевидении, в фильмах и комиксах. По мнению М. Ротбарда, «...не дело государства,

вооруженного карающим мечом закона, проводить в жизнь чьи-либо представления о нравственности». Если правительство ставит порнографию вне закона, рассуждает М. Ротбард, то оно само превращается в преступника, так как посягает на святая святых – право собственности людей, т.е. право производить, продавать, покупать. Нельзя принимать законы, которые заставляют людей против их воли быть нравственными, святыми, вежливыми и т.п. Это равносильно тому, что посадить человека в клетку, «запретить секс, наркотики, азартные игры и неверие в Бога» и заставить «каждого действовать в соответствии со своим нравственным или религиозным идеалом». В противном случае получается, как в идеальной модели человечества О. Конта, – общество абсолютного добра, святости, строгого деления на праведников и грешников, полезного и вредного, в котором *заставляют быть праведным*. Общество не должно принуждать ни к реформам, ни к святости. Общество абсолютной святости и принуждения к добру лишает человека самого главного – свободы выбора.

Либертарианская позиция требует для каждого свободу поступать так, как решит каждый отдельный человек. Подобные рассуждения М. Ротбард относятся к абортам, прослушиванию телефонных разговоров, азартным играм, наркотическим средствам. Цель либертарианизма – реализация свободы и ликвидация этатизма (уменьшение налогов или их полная отмена, сокращение власти или активности государства).

Нравственный императив либертарианства – разгосударствление. Правительство должно уйти из всех сфер жизни общества, поскольку государство является «паразитом и врагом общества», создающим правящую элиту, господствующую над всеми и получающую доход с помощью принуждения. Необходима борьба с несправедливостью, отсутствием свободы и нарушением прав человека. М. Ротбард настроен оптимистически в плане утверждения либертарианской свободы, поскольку в условиях развитой экономики она является жизненной необходимостью. И то правительство, которое практикует подслушивание, подглядывание, игры с наркотиками, агентами-провокаторами и даже убийствами, является источником угрозы для личной свободы и частной собственности [15]. Государственная власть должна быть децентрализована. Систему государственного вмешательства необходимо свести к минимуму.

Следует отметить, что либертарианская трактовка свободы поднимает ряд следующих проблем:

– Человек является хозяином своей судьбы, собственного тела. Возникает вопрос, до каких границ тело, душа обладают правом собственности? В связи с этим можно ли оправдать и легализовать проституцию, злоупотребление наркотиками и т.д., позволить государственную интервенцию (патернализм). У М. Ротбарда недвусмысленно заявлено: почему государство должно мне навязывать здоровый образ жизни, если моя воля свободна, и я желаю курить (отсюда защита прав курильщиков), злоупотреблять алкоголем, наркотиками и др. Этой проблемы М. Рот-

барду не удастся решить, и он прибегает к прямой констатации того, что либертарианец всегда выберет в пользу нравственного идеала и что либертарианская система всегда более нравственная и работает лучше, чем любая другая.

– Либертарианство акцентирует внимание на негативной свободе. Негативная трактовка свободы связана с именем Августина Блаженного. Он впервые осмыслил проблему философской рефлексии воли. Он первым обозначил конфликты воли, сравнив эти противоречия с болезнью души*. Именно Августин разрешил парадокс Сократа о возможности принимать благо и все же творить зло. *Liberum arbitrium* есть своеволие, мое хотение, границы которого определяет сам субъект действия. Правда, Августин полагал, что способность следовать лучшему всегда заложена в природе человека. В дальнейшем волюнтаристская тенденция в понимании свободы была усилена у номиналистов (Д. Скот, У. Оккам). *Liberum arbitrium* воспринималась как абсолютное своеволие. Индивидуальное право на выбор приобретало значение абсолютной ценности. Выбор в пользу зла получал позитивное значение.

– Либертарианство нацеливает на целостное восприятие свободы, хотя этой целостности теоретически доказать его представителям не удастся. Ж. Батай утверждал (и с этим можно согласиться), что сущностью тотальности состояния человека является свобода. Вместе с тем он подчеркивал, что целостный человек – это идеал, «чрезмерность», «нервный зуд из-за стремления стать святым» [16]. Свобода есть амбивалентный процесс.

С одной стороны, борьба за свободу означает ее отчуждение, поскольку «пользование свободой располагается на стороне зла» (своеволие). С другой стороны, борьба за свободу связана с завоеванием добра. В философии динамика свободы представлена в понятиях негативной и позитивной свободы. Кант дает обоснование позитивной свободе. У него свобода есть пропозиция, объективно и априори выдвигающая волю. Кант определяет свободу метафеноменально (Я должен, значит, Я свободен): существует первичная данность разума – призывать к свободе. Свобода есть свойство воли определяться только чистой формой, поэтому воля автономна.

Таким образом, либертарианизм в отличие от классического либерализма артикулировал коммьюнитаристские ценности, подчеркнул необходимость и право каждого на объединение с другими по разным основаниям. Кроме того, либертарианство акцентировало внимание на автономности личного выбора и личных решений, обозначив расширение пространства свободы, тематизированной в терминах свободы выбора, свободы самореализации и самоопределения, свободы вне условий и предрассудков, свободы быть другим.

* *Liberum arbitrium* обычно переводят как свободу воли. Более точный перевод – своеволие, произвольная свобода, аналогично в немецком у Канта – *Willkur*.

Литература

1. Локк Дж. Избранные философские произведения : в 2 т. / Дж. Локк. – М. : Соцэкгиз, 1960. – Т. 2. – С. 100.
2. Тоффлер Э. Метаморфозы власти / Э. Тоффлер. – М. : АСТ, 2003. – С. 87.
3. Гидденс Э. Ускользающий мир : как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М. : Весь мир, 2004. – С. 66–98.
4. Berting J. A Heritage, A Challenge, A Promise, Eburon Delft, 2006. – P. 159–160.
5. Bauman Z. Globalization / Z. Bauman. – Columbia University Press, 1998. – P. 59.
6. Global Social Problems / ed. By Vic George and Robert M. Page. – Polity Press, 2005. – P. 29–80.
7. The Language of Civil Society / ed. By P. Wagner, Berhahn Books, 2006. – P. 62.
8. Назарчук А. В. Сетевое общество и его философское осмысление / А. В. Назарчук // Вопросы философии. – 2008. – № 7. – С. 63.
9. Barney D. The Network Society / D. Barney. – Cambridge : Polity Press, 2004. – P. 2–3.
10. Бауман З. Текущая современность / З. Бауман. – СПб. : Питер, 2008. – С. 21, 198.
11. Боуз Д. Либертарианство : история, принципы, политика / Д. Боуз. – Челябинск, 2004. – С. 28–29.
12. Нозик Р. Анархия, государство и утопия / Р. Нозик. – М. : ИРИСЭН, 2008. – С. 57.
13. Хомский Н. Несостоятельные штаты. Злоупотребление властью и атака на демократию / Н. Хомский. – М. : Столица-Принт, 2007. – С. 337.
14. Хомский Н. Прибыль на людях. Неoliberalизм и мировой порядок / Н. Хомский. – М. : Новое изд-во, 2009. – С. 119.
15. Ротбард М. К новой свободе / М. Ротбард. – М. : Новое изд-во, 2009. – С. 119, 121, 346, 358.
16. Батай Ж. О Ницше / Ж. Батай. – М. : Культурная революция, 2010. – С. 19, 21.